

А. И. Мигунов

ОТНОШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОГО СЛЕДОВАНИЯ: *A PRIORI* ИЛИ *A POSTERIORI*?

Аннотация: Обосновывается утверждение о том, что логические формы, отношение логического следования не корректно называть априорным знанием, поскольку априорность — это эпистемическая характеристика знания, указывающая на его внеопытное происхождение, в то время как знание форм логического следования, и это положение обосновывается, в конечном итоге имеет своим источником реальный дискурс.

Ключевые слова: отношение логического следования, логические понятия, дискурс, истинность, а priori, прагматика.

A. Migounov

IS THE LOGICAL CONSEQUENCE AN A PRIORI OR A POSTERIORI RELATION?

Resume: This paper substantiates the allegation that it is not correct to call the logical form, the relation of logical inference as a priori knowledge, because «a priori» is epistemic characteristic of knowledge, and points to his non-practiced origin, while knowledge of the forms of logical inference has its source in real discourse ultimately.

Keywords: relation of logical inference, discourse, truth, logical notions, a priori, pragmatics.

Стандартное определение отношения логического следования включает такие его характеристики, как необходимость, формальность и априорность. В случае правильной формы рассуждения из истинности посылки следует истинность заключения с *необходимостью*, т. е. ложность заключения в этом случае невозможна. Другими словами, истинность заключения следует из истинности посылки во всех возможных мирах. Причем это гарантируется *формой* аргумента, когда отношение следования сохраняется при любой интерпретации нелогических элементов аргумента. Форма

Мигунов Анатолий Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета.

Migounov Anatoly — candidate of philosophy (PhD), Department of logic, St Petersburg State University.

* Исследование проводится в рамках проекта РГНФ № 11-03-00601а.

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

валидного аргумента универсальна, поскольку не зависит от специфики предмета рассматриваемого универсума рассуждений. *Априорность* подразумевает, что установление валидности аргументативной формы¹ эмпирически независимо и фиксируется структурой аргумента.

Широко распространенная позиция относительно эмпирической независимости и априорности логических норм, если ее представить в нескольких словах, выглядит следующим образом [Hanson 2003]. Логика является неэмпирическим знанием. Логическое следование устанавливается исключительно на основе формально-структурных свойств и отношений. Знание о наличии отношения логического следования не является эмпирически зависимым, оно является формально-структурным, поскольку отношение логического следования не зависит от эмпирических, неструктурных свойств объектов. Мы не усматриваем отношения логического следования в результате эмпирического исследования отношения между терминами. Мы не делаем рассуждение предметом эмпирического анализа, результатом которого мог бы быть вывод о наличии (отсутствии) отношения следования в данном конкретном случае. В этом смысле знание о том, имеет ли место отношение логического следования в некотором конкретном случае, является знанием априорным.

Определенно априорность логических форм в начале прошлого столетия подчеркивал Б. Рассел. Он выводит априорность логических суждений из того положения, что в них фиксируется форма рассуждения, которая не изменяется от замены категорематических терминов. Более того, истинность логических суждений не зависит от существования вселенной, поскольку они не говорят о сущем. Даже если бы вселенной не существовало, они не изменили бы своего истинностного значения, т. е. были бы истинными [Рассел 2007: 217], поскольку «конституентами логических суждений являются чистые формы» [Рассел 2007: 215]. Из этого же основания выводятся априорность логических форм и сейчас — те авторы, которые это утверждают. И трудно не согласиться с тем, что форма логических суждений не зависит от мира, который является объектом познания, объектом рассуждения в суждениях, о форме которых речь, с тем, что эмпирическое подтверждение некоторого рассуждения не может обосновать правильность его формы. Правда, когда речь идет об априорности какого-либо знания, то подразумевается его эпистемическая характеристика. Казалось бы, мы и здесь должны согласиться с тем, что постижение валидных форм аргументов не имеет своим источником вселенную, подразумеваемую Расселом, и о мирах которой в этих аргументах содержательно идет речь. Однако отрицание априорности этих форм вовсе не обязательно должно быть связано с утверждением обратного, т. е. с утверждением зависимости форм аргумента от состава категорематических терминов.

¹ В настоящей работе понятия аргумент, аргументативная форма используются в традиционном логическом смысле; здесь не подразумевается различение логического следования и аргументативного следования, как это необходимо делать в логической прагматике, в теории аргументации. В последнем случае отношение следования приобретает прагматический характер в силу появления субъекта речи как условия анализа диалектических процедур обоснования в естественном языке.

Я постараюсь показать обоснованность вопроса о том, насколько правомерно применять к понятию отношения логического следования характеристику «априорное знание». У различения априорного и апостериорного знания эпистемические основания. Речь должна идти об источнике этого знания. Априорное знание — внеопытное по своему происхождению. Является ли таковым знание валидных аргументативных форм? В каком смысле можно говорить об опытном происхождении валидных форм аргумента, и можно ли вообще говорить об этом всерьез? И можно ли говорить об онтологических основаниях этих форм?

1. *Онтологические основания логики*

Когда обсуждается вопрос о том, насколько те или иные фрагменты естественнонаучного знания могут рассматриваться как априорное или апостериорное, то в этом случае более или менее понятно, о какого рода опыте идет речь. Теоретическое естественнонаучное знание соотносится с миром, природой как объектом познания. Его объект познания находится в мире природы и существует относительно независимо от субъекта познания. Его законы — это законы природы, их формулировки в научном знании трудно считать априорными.

Кроме мира естественной природы с появлением человека разумного формируется так называемый мир «второй, искусственной природы». Это мир артефактов, предметов, создаваемых человеком для выполнения определенных функций. Эти предметы обладают двойной природой. С одной стороны, они принадлежат материальному миру и как объекты этого мира подчиняются естественным законам, которые являются предметом естественнонаучного знания. Но, с другой стороны, их природа, их суть культурна, поскольку определяется местом, которое они занимают в структуре человеческой деятельности. Чтобы ответить на вопрос, что такое, чем является по своей сути тот или иной предмет из этого мира «второй природы», мы должны зафиксировать это его место. То есть имя предмета, если это его имя, указывает не на то, как этот предмет выглядит, не на то, как он устроен, а на то, какое место он занимает в структуре человеческой деятельности здесь и сейчас. При всей их возможно демонстративной материальности суть этих предметов социальна. Несмотря на то, что эти предметы являются сознательным творением человека, мы узнаем их не потому, что обладаем априорным знанием о них, а потому, что фиксируем это их место в данный момент и в данном месте их бытия как их собственную сущность. И не важно, что знанием о том, что такое стол, мы обладали до момента встречи с этим предметом, мы его «столость» должны обнаружить, зафиксировать как факт его бытия здесь и теперь, чтобы узнать в нем стол. Кроме того, с точки зрения эпистемического происхождения этого знания оно тоже вряд ли может быть названо априорным. Функция этой вещи, которая была реализована в конструкции ее субстрата, которая и задала эту конструкцию, определяется ее местом в структуре человеческой деятельности, и осознается человеком через опыт его деятельности. И в этом смысле ее знание не является априорным.

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

Важно подчеркнуть, что, будучи лишенными этой своей социально-культурной определенности, т. е. определенного места в структуре человеческого действия, выпадая из своего «гнезда», они перестают быть частью человеческого мира, частью «второй природы» и в этом смысле исчезают, превращаясь в часть естественного материального мира. Ясно, что они умирают и лишаясь своего субстратного существования.

Но с появлением разумного человека формируется еще один мир, элементы этого мира также обладают двойственной природой, каждая сторона которой является обязательным условием их существования. Этот мир — язык, существующий как реально функционирующий дискурс, система речевых действий, как условие, способ и основа воспроизводства, существования разума. Этот мир реален не менее, чем мир второй природы. Но эта реальность, будучи частью объективного мира, порождается человеком, поскольку он мыслит. Мысль существует лишь в слове и через слово, и не потому, что она выражается с помощью слова, а потому, что она рождается в слове. Мысль, лишенная слова, растворяется в интуиции, которая для своей экспликации требует слова. В слове мысль обретает определенность и узнается. Слово, лишенное мысли, исчезает как слово, превращаясь в членораздельный звук, лексис, оно ничего не сказывает, оно ничего не рассказывает о мире, в лучшем случае показывает на некий предмет этого мира, именем которого является. Но в этом случае связь между словом и миром не опосредована разумом и происходит на дологическом уровне, слово в этом случае не свидетельствует о разуме и не открывает мир разуму. Чтобы обнаружить вещь разумом, т. е. чтобы мысль случилась, требуется слово. Обнаружить вещь разумом означает не показать ее, а рассказать, выразить в языке непротиворечивым образом. Слово и мысль существуют только в единстве, и в этом единстве образуют понятие [Мигунов 2003]. Мы можем говорить об одной стороне этого единства, но при этом не должны забывать, что предмет нашего разговора не существует без другой своей стороны. К тому же одну и ту же мысль нельзя высказать дважды. Она не есть отчуждаемый предмет, который, будучи создан, существует независимо от процесса своего создания. Мысль — момент процесса мышления, всякий раз, чтобы она случилась, ее надо родить, т. е. надо помыслить. Так же, как один и тот же шаг нельзя совершить дважды. Чтобы он случился, надо вновь шагнуть. Но и слово, строго говоря, нельзя высказать дважды. Отдельно взятое слово, т. е. слово, взятое вне языка и вне контекста речи, лишено определенности, оно ничего не сказывает, оно обладает определенностью только в речи компетентного носителя языка. И разум воспроизводится в дискурсе, через стремление сказать, т. е. узнать и сообщить. Я не могу узнать не сообщая, т. е. не выражая это в языке. Выражая это в языке, я рождаю определенную мысль и тем самым узнаю, поскольку сказываемое становится таким образом фактом моего сознания. Другими словами, разум и язык существуют как реально функционирующий дискурс. Как говорил еще Вильгельм фон Гумбольдт, язык есть деятельность, а не оконченное дело; в своей полноте язык живет лишь в речи говорящего, понимающего, что он говорит, и в понимании слушающего; свою определенность слова получают только в живой речи конкретного лица и существенно зависят от формы речи. Нельзя изучать мышление не изучая язык, нельзя

изучать язык не изучая мышление [фон Гумбольдт 1984]. Поэтому, когда Я. Лукасевич говорит [Лукасевич 1958: 48–51], что логика изучает не мышление, а язык, такое противопоставление представляется не корректным и, будучи последовательно проведенным, не может не привести к заблуждениям.

Логика изучает язык, поскольку в нем имеет место отношение логического следования, которое связывает одни элементы языка с другими. В логике, в которой имеет силу семантическое определение логического следования², данное А. Тарским, эти элементы языка должны обладать истинностным значением. Но то, что ничего не сказывает, т. е. не содержит мысль, истинностным значением не обладает. Логике интересуют отношение следования в языке, а не причинно-следственные отношения, связывающие объекты, о которых идет речь в этом языке.

Законы логики, как и законы физики, не могут быть доказаны экспериментально в пределах опыта. Их нельзя вывести из опыта непосредственно. Это всегда толкование опыта. Необходимо чувственно-постигаемый объект сделать умопостигаемым объектом. То есть обнаружить его разумом, сделать его предметом разума. В нашем случае объектом исследования, в котором надо обнаружить предмет разума, т. е. сформулировать умопостигаемый предмет, является реальный дискурс. Дискурс является тем объектом, в котором надо обнаружить этот умопостигаемый предмет, форму рассуждения как абстракцию определенности схемы дискурсивного действия, совершаемого рациональным субъектом речи. Эта форма открывается не через эмпирическое подтверждение в эксперименте, она обнаруживается в многообразии индивидуального через сущностное созерцание, рациональную интуицию, т. е. как форма беспредпосылочного знания, непосредственно усматриваемое [Слинин 2013]. Мы не упорядочиваем дискурс, делая его объектом своего внимания, не факт нашего постижения дискурса превращает его в разумный и в этом смысле упорядоченный, а присутствие в нем этих принципов обнаруживается нами как его упорядоченность, и в этом смысле разумность. Язык, речь — это третья природа, которая формируется с возникновением разума, с появлением человека говорящего. И эта природа упорядочивается объективными связями ее элементов, которые познаются нами через исследование речевой практики, практики рассуждения, дискурсивных практик разного рода и формулируются в виде законов, в том числе законов правильного рассуждения, законов логики.

Мы знаем, что законы первой природы нельзя нарушить. Все действия, которые мы можем совершить в ней, будут совершаться в соответствии с ее законами. Законы второй природы можно нарушить, но это ведет либо к уничтожению, либо к радикальному перерождению ее элементов. Например, я могу нарушить закон, связывающий стол как элемент моего мира с другими элементами этого мира, включая меня самого. Например, я могу на него лечь или сесть, или использовать как-либо иначе,

² Здесь и далее я веду речь об этой логике, предметом которой являются валидные формы рассуждения. Под рассуждением я понимаю в данном случае упорядоченное множество высказываний; то, что формы рассуждения являются валидными, означает, что это множество упорядочено отношением логического следования.

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

не по назначению, меняя место этой вещи в структуре моей деятельности и, таким образом, либо разрушая его функциональную природу, либо изменяя ее, превращая в лежак, стул и т. п. При этом как элемент первой природы он сохранится. То же относится и к законам третьей природы, законам дискурса, речевой деятельности. Их можно нарушить, но тогда элементы дискурса либо потеряют свое место и, вследствие этого, лишатся определенности структурной и содержательной, либо потеряют свои характеристики — такие как истинность пропозиционального содержания, успешность и эффективность речевых действий.

Но все законы, о которых шла речь, принадлежат самой реальности и существуют как ее упорядоченность и определенность. Принципы и формы функционирования дискурса принадлежат самому дискурсу, а не навязываются ему разумом исследователя. Успешное использование этих принципов в практике рассуждений говорит в пользу их объективности и наличия в самом рациональном дискурсе, не только потому, что мы руководствуемся ими, а потому, что они являются объективным условием существования самого дискурса. Понятно, что если мы перестаем пользоваться в своей речевой деятельности этими нормами, то рациональный дискурс рассыпается точно так же, как рассыпается мир второй природы, если мы пользуемся артефактами, несовместимым с их предназначением образом. Эти принципы присутствуют в самом дискурсе как его рациональная субстанция, а не навязываются ему как правила его упорядочивания и постижения. При этом важно подчеркнуть, что, делая этот дискурс предметом исследования, мы не можем из него элиминировать субъект речи.

Если логическая форма априорна, то она постигается не из опыта. Но в реальном дискурсе мы обнаруживаем ее исключительно опытным путем, т. е. через содержательную интерпретацию текста (речи), через прочтение. Понятно, что логическая форма — результат абстрагирования. Но прежде чем что-то абстрагировать, его надо иметь, обнаружить в том, от чего оно абстрагируется. Абстрагирование предполагает процесс обнаружения в тексте предмета абстрагирования. Мы обнаруживаем логическую форму не тогда, когда фиксируем ее с помощью средств искусственного языка, позволяющих как бы записать форму и только форму. Мы ее обнаруживаем и фиксируем, когда формируем текст усилием своего разума, т. е. когда с помощью этого разума слушаем и читаем. Умение читать предполагает развитую способность обнаруживать в формируемом посредством прочтения тексте форму рассуждения, форму следования. Эта форма обнаруживается и фиксируется разумом, который пытается понять смысл сказанного, зафиксировать в этом сказывании определенность содержания. Эту форму нельзя нарисовать, изобразить. Ее можно только помыслить, сделав соответствующий текст предметом своего разума, и тем самым обнаружить ее. Форма, которую мы при этом обнаруживаем, существенно зависит от того, как мы прочитываем, как мы понимаем содержание. Прочитывая одну и ту же страницу, заполненную письменами, два разных читателя могут сформировать (т. е. прочитать) два текста, различающихся формой рассуждения, представленного в них. Поскольку текст, повторю, это не то, что предшествует акту чтения, а то, что является его продуктом, чтение — это всегда акт творчества. И поэтому для одного

в тексте обнаружится правильная форма рассуждения, для другого — неправильная. И оба будут правы, поскольку имеют дело с разными текстами. Форму нельзя записать, ее можно только прочитать, если умеешь читать в выше определенном смысле, т. е. если понимаешь, о чем идет речь. Рассмотрим хорошо известный школьный пример рассуждения:

«Ни одна война не бывает в течение долгого времени популярной, так как всякая война увеличивает налоги; а популярность всего, что затрагивает карман, — непродолжительна».

Выявление логической формы этого рассуждения представляет собой нетривиальную задачу. Если мы склонны отождествить два понятия «то, что ведет к повышению налогов» и «то, что затрагивает наш карман», то мы имеем модус Celarent:

$$\begin{array}{l} M e P \\ S a M \\ \hline S e P, \end{array}$$

но если мы не согласны с этим тождеством, то тогда это рассуждение приобретает другую форму:

$$\begin{array}{l} M_1 e P \\ M_2 a M_1 \\ S a M_2 \\ \hline S e P. \end{array}$$

А для того, кто полагает, что не всякое повышение налогов, вызванное ведением войны, затрагивает карман, здесь вообще нет валидной формы, так как имеет место ошибка «удвоения среднего термина».

То есть логическая форма определяется не только выбором логических понятий, но и тем, как мы прочитываем рассуждение, какую содержательную интерпретацию ему даем. Прежде чем ответить на вопрос, правильная или неправильная форма следования перед нами, мы должны эту форму обнаружить как результат определенного прочтения, интерпретации нелогических (категорематических) терминов рассуждения. Понятно, что два читателя могут в казалось бы одном и том же тексте прочитать разные логические формы, т. е. будут иметь дело с разными текстами, поскольку текст — это не то, что предшествует чтению, а то, что является его результатом. Конечно, те нормы валидности, с которыми мы соотносим данную форму, имеются у нас до прочтения конкретного текста, но то, что мы оцениваем как валидную или невалидную форму, мы получаем в результате определенной интерпретации нелогических терминов и определенного набора логических понятий.

2. А. Тарский о логических понятиях

Насколько произволен выбор собственно логических понятий? В работе 1936 г. «О понятии логического следования» А. Тарский сомневался в наличии четкого критерия отличия логических понятий от нелогических. Он полагал, что выбор логиче-

ских понятий — дело относительно произвольное и зависит от интуиции исследователя, а также от его интересов в конкретной познавательной ситуации. Причем в набор правил формируемой на основе соответствующего класса логических понятий дедуктивной системы можно вносить изменения в зависимости от решаемых задач за счет изменения класса таких понятий. А. Тарский пишет: «...Сравнительно недавно многим логикам казалось, что им удастся при помощи относительно простого понятийного аппарата почти точно ухватить бытующее содержание понятия следования, или, пожалуй, определить новое понятие, которое с точки зрения своего охвата совпадет с обыденным понятием... Логика начали предполагать, что эти немногочисленные правила вывода полностью исчерпывают содержание понятия следования: поскольку некоторое предложение следует из других, постольку его удастся из них получить — более или менее сложным путем — при помощи указанных в этих правилах операций» [Tarski 1936]. Но вполне может случиться так, что в рамках построенной таким образом дедуктивной системы окажется невозможным доказать теорему, которая с точки зрения обыденной интуиции кажется несомненной. В этом случае материальное следование, когда истинность заключения материально следует, если все множество посылок истинно, не может быть подтверждено логическим, формальным следованием, т. е. множеством правил и аксиом данной дедуктивной системы. Эта ситуация разрешима, можно «сформулировать новые правила вывода, правила, которые своим логическим характером не отличаются от прежних, которые также безотказны как прежние, т. е. всегда ведут от истинных предложений к иным истинным предложениям и которые при этом не удастся свести к прежним правилам, поскольку они позволяют провести доказательство таких предложений, которых при помощи прежних правил не удавалось доказать» [Tarski 1936].

Расширение класса правил логической системы возможно за счет изменения числа логических понятий. «Кажется вполне возможным включить в число логических терминов такие термины, которые обычно считаются внелогическими, без таких следствий, которые могли бы привести к противопоставлению с обыденной практикой. В крайнем случае мы могли бы считать все термины языка логическими. Тогда концепция формального следования совпала бы с концепцией материального следования» [Tarski 1936].

Можно ли все термины языка превратить в логические, это вопрос, на который сам Тарский отвечает в конце концов отрицательно. Если в работе 1936 г. «Об отношении логического следования» он еще не знает «никаких объективных точек зрения, которые позволили бы провести точную границу между обеими категориями терминов», добавляя, что у него «складывается впечатление, что — не нарушая явно обыденной интуиции — к логическим терминам можно причислить и такие термины, которые логики к этой категории не причислят» [Tarski 1936], то, выступая в 1966 г. с лекцией «Что такое логические понятия?» [Tarski, Corcoran 1986], он уже предлагает метод выделения логических понятий. Метод этот можно строго сформулировать и применить в рамках математического знания, тем более, что он и берется из геометрии. Тарский ссылается на известного немецкого математика Феликса Клейна, который предложил

алгебраический метод классификации различных отраслей геометрии [Клейн 1987: 110 и далее]. В качестве критерия для различения видов геометрий, используются разные группы преобразования пространства, инварианты такого рода преобразований и являются объектами соответствующего вида геометрии, которые фиксируются соответствующими инвариантными геометрическими понятиями. Группа преобразований вполне может фиксировать определенность некоторой геометрии, так как если известна группа преобразований, то соответствующая геометрия может рассматриваться как наука, изучающая те свойства совокупностей точек, которые остаются неизменными при преобразованиях данной группы.

Инвариантные понятия, т. е. собственные понятия соответствующего раздела геометрии определяются, таким образом, выбранным набором преобразований, инварианты которых образуют класс объектов данной геометрии. Один вид геометрии отличается от другого тем, что им соответствуют разные группы преобразований пространства, а собственными понятиями этой геометрии являются термины, фиксирующие инварианты таких преобразований. Так понятия Эвклидовой геометрии являются инвариантными относительно всех преобразований подобия. Если расширить класс преобразований, включить в него требование сохранения взаимной линейности точек, то в результате мы получаем два инвариантных понятия: коллинеарность и промежуточность и так называемую аффинную геометрию. Если в эвклидовой геометрии мы могли сравнивать и различать, например, треугольники (равносторонние, прямоугольные и т. п.), то в аффинной геометрии это уже невозможно, мы можем лишь отличать треугольник вообще, от четырехугольника, например. Понятий инвариантных относительно такой группы преобразований становится меньше, и они более общего характера. Еще больше сужается класс инвариантных понятий, если мы добавляем преобразования, в которых не сохраняется даже отношение промежуточности, а сохраняется лишь отношение замкнутости. В результате мы из геометрии получаем топологию. В топологии мы уже не можем говорить об отличии треугольника от круга, поскольку из одного можно получить другое в результате непрерывного преобразования. Но зато мы можем отличить один треугольник от двух треугольников. Ясно, что в этом случае класс инвариантных понятий сокращается, и они становятся более общими.

А. Тарский пишет, что идеи Ф. Клейна можно использовать при различении понятий в других науках, по крайней мере биологических, химических и физических понятий. А также их можно использовать для выделения логических понятий. Логические понятия являются предельно общими, они указывают на объекты, которые являются инвариантами класса «всех взаимно однозначных преобразований пространства, или универсума дискурса, или “мира”, на себя. Какова будет наука, которая имеет дело с инвариантными понятиями при этом самом широком классе преобразований? Здесь у нас будет очень немного понятий, все очень общего характера. Я предполагаю, что они являются логическими понятиями, что мы называем понятие “логическим”, если оно является инвариантным при всех возможных взаимно однозначных преобразованиях мира на себя» [Tarski, Corcoran 1986: 149].

А. Тарского в этом поиске критериев отличия логических понятий влечет прежде всего интерес математика, потребности математического знания. Его интересует, являются ли таким образом выделяемые логические понятия математическими понятиями. Здесь Тарский уходит от неопределенности и возможной произвольности выбора логических понятий, от набора которых зависит концепция логического следования. Если в работе 1936 г. он говорит о том, что мы должны при выборе логических понятий соотносить результат с нашей интуицией, т. е. избегать «следствий, которые могли бы привести к противопоставлению с обыденной практикой», то в лекции 1966 г. в основе его рассуждений лежит очевидный интерес математика. Впрочем, и в 1936 г. он, скорее всего, имел в виду «обыденную практику» математика.

3. Логические понятия и естественный язык

Можно ли применить метод, использованный А. Тарским для выделения логических понятий в языке естественнонаучного знания, в естественном языке гуманитарного знания? Основная задача, которую стремятся решить исследователи, заинтересованные в выделении логических понятий в рамках того или иного раздела гуманитарного знания, это повышение строгости и корректности рассуждений, относящихся к их предмету. И здесь важен не только поиск общих логических понятий независимо от конкретного языка данной науки, но и уточнение логического смысла их собственных терминов, чтобы использующий их дискурс исключал совместимость истинности исходных положений и ложность получаемого из них заключения на основании формально-логических критериев.

Можно вести речь о разделении логических понятий на группы в соответствии с областью дискурса, относительно допустимых преобразований которого понятия этих групп будут инвариантными. Более того, мы можем вести речь о понятиях инвариантных в рамках этого языка, в рамках этой социальной общности, в рамках этой культуры. Это будет означать, что мы заинтересованы придать строгий логический смысл терминам соответствующего языка, с тем, чтобы повысить степень корректности соответствующих рассуждений. При этом область логических понятий, задающих приемлемые формы аргументов, зависит от области, в рамках которой мы будем выбирать инвариантные логические понятия. Чем уже эта область, тем разнообразнее набор таких понятий, чем она шире, тем их меньше, тем беднее содержание таких понятий, они становятся универсальными, общими для всех. Класс логических понятий аргументативного дискурса зависит и от того, реализуется ли он в рамках культурно определенного сообщества, или выходит за его рамки и развивается как межкультурная коммуникация, или как надкультурная.

Известно, что необходимость как характеристика отношения имплицирования не является достаточной. Так, хорошо известный пример умозаключения

$$\frac{\exists(x)Red(x)}{\exists(x)Colored(x)}$$

является безусловно вариантом необходимого имплицирования. Это рассуждение будет приемлемым во всех возможных мирах, в которых имеются объекты с соответствующими характеристиками. Требование универсальности здесь не нарушается, поскольку такая форма аргумента носит универсальный характер для соответствующего класса миров, соответствующего класса рассуждений.

Но если мы не включаем термины Красный и Цветной в класс логических терминов, то эта форма перехода от посылки к заключению не является логически валидной. Мы имеем дело с примером материального следования. Однако если мы будем рассматривать Красный и Цветной как логические понятия, и зададим им соответствующую семантику, так же, например, как мы задаем семантику соответствующим модальным операторам, то это рассуждение будет не только материально правильным, но формально валидным. Другими словами, не всякое рассуждение, в результате которого мы получаем необходимо истинное высказывание, является логически валидным. Какой класс необходимо истинных высказываний является классом логически истинных высказываний, зависит от выбора логических констант. Но этот выбор всегда задается классом преобразований, и, следовательно, классом объектов, которые являются объектами нашего исследования, объектами соответствующей теории, ключевыми терминами соответствующего вида дискурса. В рамках этой заданной области объектов, логические понятия будут носить инвариантный характер, т. е. обладать всеобщностью по отношению к соответствующему классу рассуждений.

Можем ли мы утверждать, что на эту форму отношения логического следования распространяется априорность как общая и обязательная характеристика валидной формы следования? Разве отношения между понятиями Красный и Цветной не являются знанием, которое мы получаем из опыта? На первый вопрос я отвечаю отрицательно, поскольку утвердительный ответ на второй вопрос представляется мне очевидным. Отношения между этими понятиями не произвольны относительно предметной области, о которой они говорят. Справедливо утверждение: «Каким бы ни было сложным рассуждение, если оно логически корректно, всегда найдется формализм, адекватно моделирующий его. Отсутствие такого формализма означает несоответствие рассуждения правилам логики» [Лисанюк 2008: 492]. Но характер формализма зависит от того, какие термины мы включаем в состав логических понятий, т. е. придаем синкатегорематическую интерпретацию [Карпов 2013]. Вот еще один пример придания логического (инвариантного) смысла терминам языка.

Аристотель в «Топике» рассматривает многообразие форм диалектических умозаключений, которые имеют силу только в пределах определенного языка, поскольку предполагают определенную систему права или морали. Он пишет, что «противоположности сочетаются шестью способами, а противоположение получается при сочетании четырьмя способами».

Согласно Аристотелю, не образуют противоположения такие противоположности:

«делать друзьям добро — делать врагам зло»,
«делать друзьям зло — делать врагам добро»,

но образуют противоположения:

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

«делать друзьям добро — делать друзьям зло»;
«делать друзьям добро — делать врагам добро»;
«делать врагам зло — делать врагам добро»;
«делать врагам зло — делать друзьям зло».

«Итак, первые два сочетания не образуют противоположения, ибо делать друзьям добро и делать врагам зло не противоположны друг другу — ведь и то и другое желательно, они [действия] одного и того же нрава. Делать друзьям зло и делать врагам добро также не противоположны друг другу, ибо и того и другого следует избегать, они также [действия] одного и того же нрава. Ведь не думают, что избегаемое противоположно избегаемому, разве только в случае, когда об одном говорится как об избегаемом из-за чрезмерности, а о другом — из-за недостаточности. Ибо чрезмерность принадлежит, очевидно, к тому, чего следует избегать, точно так же как и недостаточность. Все же остальные виды сочетания образуют противоположение. Действительно, делать друзьям добро и делать друзьям зло противоположны друг другу, ведь они исходят из противоположных нравов — одно желательно, другое нежелательно. И точно так же в остальных случаях. Ибо в каждой паре одно желательно, а другое нежелательно и одно относится к доброму нраву, а другое — к плохому» [Аристотель 1978: 384–385].

Аристотель выделяет термины, которым придает логический смысл, указывая как они работают в соответствующих формах аргументации и какие формы аргумента будут правильными. Понятно, что они будут правильными, и в соответствующих рассуждениях будет иметь место отношение логического (а не только материального) следования только в пределах данного языка, только в пределах данной системы ценностей. Или, другими словами, только для тех субъектов речи, которые разделяют эту систему ценностей. Для них соответствующее рассуждение будет формально правильным, и для выражения его логической структуры может быть найден соответствующий формализм.

Понятно, что класс таких понятий, в силу нечеткости границ сообщества, границ инвариантности понятий, задающих пределы этого сообщества, не является раз и навсегда данным для каждого члена этого сообщества. Его универсальность должна определяться и контролироваться в рамках данного дискурса и поэтому всегда оказывается предметом соглашения, неявной конвенции, существующей в языке, перетолкование которой всегда возможно. Чем более универсальным является логическое понятие, тем меньшему риску переинтерпретации оно подлежит.

Конечно, можно говорить о классе понятий, которые являются логическими для любого из известных нам языков. Но вряд ли можно говорить о существовании особых логических понятий, логичность которых присуща им по природе и является составляющей априорного знания. Свойства понятий, которые закрепляются как логические вследствие их инвариантности, определяются местом, которое они занимают в языке, и узнаются всяким субъектом речи через овладение языком, осваиваются как правильное их использование в дискурсе, через участие в дискурсе, в практике речевого общения. Эти свойства не существуют как некая предзаданность нашей речевой

практики, как априорные формы ее упорядочивания, поскольку они существуют и воспроизводятся в языке, в речи и постигаются человеком. Человек становится компетентным носителем языка, когда он становится субъектом речи.

4. Форма аргумента как факт межсубъектной реальности

Многие логики, стремящиеся определить отношение логического следования, как и А. Тарский, ссылаются на согласие получаемых при этом концептов с «преданалитическим», «предтеоретическим», интуитивным пониманием логического следования. Для них важно, чтобы получаемые концепты не противоречили «обыденной практике» [Tarski 1936]. Но согласие с интуицией, с обыденной практикой — это всегда чье-то согласие. Понятие логического имплицирования имеет в своей основе с самого начала обязательность заключения для разумного, компетентного носителя языка, который соглашается с посылками.

Когда мы говорим, что формы аргумента зависят от логических констант, и выбор универсальных терминов в качестве логических констант задает универсальность аргументативных форм, мы понимаем, что если речь идет об обыденной практике, то универсальность логических форм зависит от универсальности выбранных, т. е. *признаваемых* логических констант. Ясно, что эти термины должны быть универсальны не только относительно выбора предметов речи, но и относительно субъектов речи. Мы можем сказать, что заключение аргумента является логическим следствием его посылок в том случае, если для заключения невозможно быть ложным при том, что посылки истинны, при любой интерпретации нелогических терминов, используемых в данном аргументе, и для любого из субъектов речи, являющихся сторонами диалога. Причем универсальность аргументативных форм определяется по отношению ко всем возможным участникам диалога по всему пространству некоторого сообщества.

К этому можно подойти и с другой стороны. Логика рождена стремлением сделать рационально убедительной речь, обращенную к другому, она родилась из искусства диалектики. Монологическая речь в принципе невозможна, а то, что мы так называем, лишь кажется таковой. Всякая речь есть обращение к другому, к другому субъекту речи, т. е. к тому, кто понимает, толкует, интерпретирует, препарирует некоторым образом сказанное ему. В противном случае сказанное ничего не сказывает. Поскольку некому. Нельзя сказать никому и нельзя сказать ничего. Можно только ничего не сказать. При этом важно отличать исследование диалога, явного или скрытого, от исследования диалогической природы языка вообще, независимо от формы его использования в речевой практике конкретных субъектов речи. Это может быть явный диалог, протекающий в форме обмена речевыми действиями с другим носителем языка, это может быть речь, обращенная к публике, в содержании и построении которой говорящий учитывает знание и отношение публики к предмету речи, ее соответствующие пресуппозиции и возникающие у нее возможные оценки сказанного, это может быть внутренняя речь, рассуждение «про себя», т. е. для себя и т. п.

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

В последнем случае, когда я рассуждаю «про себя», я присутствую в этом акте речи и как слушатель, как другой, поскольку понимаю, толкую то, что говорю. Этот факт и делает меня субъектом речи. Отсутствие слушателя аннигилирует речь и ее субъекта. И не потому, что некому сказать, а потому, что невозможно сказать, ибо некому. Наличие другого, который интерпретирует, понимает, является конституирующим условием для речи и языка. Не только как условие его возникновения, но и как условие всякого сказывания, т. е. всякого присутствия языка в мире. А это означает, что всякая форма аргумента может быть оценена только с точки зрения ее приемлемости для другого. То есть другой должен узнать в этой форме аргумента законный элемент языка, носителем которого он является. Логические конструкции не есть нечто изначально данное. Они продукт совместной речевой деятельности, в ходе которой они воспроизводятся, в пределах которой они только и могут существовать. Они могут быть общими для всех, независимо от того, на каком языке они говорят, они могут быть специфическими, т. е. инвариантными в пределах данного языка и соответственно предметной области этого языка, в любом случае они не существуют вне дискурса, их присутствие в дискурсе — условие его рациональности.

Требование межсубъектного согласия по поводу приемлемости форм обоснования, используемых в данном диалоге, в данном, конкретном споре не противоречит критерию универсальности валидных форм рассуждения. Они в языке существуют как неявные конвенции, как норма, отражающая устойчивые, закономерные отношения, существующие в языке, который для каждого носителя языка выступает объективным условием существования его разума и в то же время сам становится продуктом межсубъектного коммуникативного взаимодействия, в ходе которого воспроизводится и развивается разум. Универсальные нормы валидности предстают в каждом отдельном диалоге как предмет межсубъектного согласия и понятно, что в каждом конкретном случае они несут на себе санкционирующую печать конкретной познавательной ситуации, конкретной образовательной, культурной парадигм, в рамках которых формировались, к которым принадлежат участники дискуссии. Приемлемость валидных форм рассуждения является фактом языка как саморегулирующейся системы и по существу межсубъектной реальностью.

Логический анализ языка как средство повышения степени рациональности нашей речи необходим и там, где субъект речи явным образом не ставит перед собой задачу опровергнуть или повысить степень приемлемости для другого какого-либо положения [Микиртумов 2013]. Язык по природе своей аргументативен, всякое сказывание, воспринимаемое рациональным субъектом речи, требует от него когда явного, а когда неявного поиска оснований, позволяющих содержание сказанного принять или не принять. Аргументативные структуры речи, правила, знание возможных ошибок и пр., стоящие за этим, всегда были и будут предметом исследования как того, кто стремится познать природу речи, языка, так и того, кто стремится придать своей речи надежность как средству познания и средству сообщения. Логические, аргументационные исследования имеют гораздо более широкий контекст нежели процедуры обоснования как особого рода практики в рамках спора, дискуссии.

При этом не теоретически валидные аргументы выступают критерием признания преаналитических, т. е. интуитивно приемлемых и формируемых в дискурсе форм аргументов. *Они могут выступать критериями узнавания этих форм в соответствующих схемах дискурсивного действия, но они не являются основанием для признания этих форм правильными.* Они правильны не потому, что соответствуют правилам, а потому, что гарантируют получение истинных заключений, если посылки были истинными. Эта особенность соответствующих форм рассуждения не продуцируется правилами, а выражается, формулируется в них, абстрагируется с помощью этих правил от реального дискурса. Поэтому данные правила не могут быть априорны по отношению к практике рассуждений и в этом узком и немного странном смысле термина *a priori*.

Вместо заключения

Человек заинтересован в истинном знании о мире, но мир открывается разуму лишь в той степени, в какой человек может его выразить в языке непротиворечивым образом, т. е. насколько разумен наш язык. Основным критерием рациональности нашего языка, речи, дискурса является наличие в нем порядка, выражаемого отношением логического следования. Этот порядок и становится издавна предметом озабоченности, предметом исследования. Его познание начиналось в риторике и диалектике именно потому, что эти области знания имели прежде всего дело с различными формами реального дискурса, в котором и присутствовал такой порядок разума.

Так же, как и правила грамматики, все иные правила, в том числе и правила рассуждений, не предшествуют языку, а извлекаются из анализа речевой практики, и лишь потом формулируются и записываются в учебниках грамматики, диалектики и логики.

На определенном этапе исследования формируются уже варианты теоретически закрепленных понятий логического следования, которые исследователь соотносит с обыденной практикой. При условии, если теория, в дискурсе которой формируется такое отношение следования на базе выделяемых в данной теории с учетом специфики ее предмета логических констант, имеет отношение к обыденной практике рассуждения. Значительная часть современного логического знания даже косвенно не имеет рассуждения в качестве своего предмета. Но это не значит, что логики в своих коллективных исследованиях вновь открываемых эпистемических объектов покинули реальный дискурс, что он, его рациональность перестали их заботить и таким образом он вышел за пределы предмета логики.

Логическая необходимость — разновидность номической необходимости. Но если естествознание имеет дело с природными законами, относящимися к миру, где господствует отношение причинно-следственной связи в различных ее вариантах, то логика имеет дело с законами третьей природы, законами дискурса, где господствуют законы, упорядочивающие отношения между элементами дискурса, речевыми действиями,

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

между рождаемыми в этом дискурсе высказываниями, понятиями. Абстракция отношения логического следования формируется из опыта постижения этих законов третьей природы, на базе знания которых формулируются правила рациональной речевой деятельности. Не будет сильным преувеличением сказать, что знание правил рассуждения, знание правил логического следования формируется по существу так же, как и знание правил мореходного искусства или правил пилотирования: в конце концов и то и другое является знанием а *posteriori*.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Топика / пер. М. И. Иткина // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 349–532.
- Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт В. фон*. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 307–323.
- Лукасевич 1959 — *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. 313 с.
- Карпов 2013 — *Карпов Г. В.* Правила вывода в императивной логике // Логико-философские штудии. 2013. Вып. 11. С. 5–19.
- Клейн 1987 — *Клейн Ф.* Элементарная математика с точки зрения высшей. Т. 2. Геометрия / пер. с нем. Д. А. Крыжановского; под ред. В. Г. Болтянского. М., 1987. 416 с.
- Мигунов 2003 — *Мигунов А. И.* Визуальные метафоры и природа понятия // Логико-философские штудии. 2003. Вып. 2. С. 57–72.
- Микиртумов 2013 — *Микиртумов И. Б.* Композициональность и ее прагматика // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 36, № 2. С. 42–58.
- Лисанюк 2008 — *Лисанюк Е. Н.* Обоснование в праве с точки зрения логики // Миссия интеллектуала в современном обществе: сб. статей / под ред. Ю. Н. Солонина и др. СПб., 2008 (Вестник СПбГУ. Приложение). С. 486–500.
- Рассел 2007 — *Рассел Б.* Введение в математическую философию // Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы. Новосибирск, 2007. С. 67–220.
- Слинин 2013 — *Слинин Я. А.* Аристотелевская подоплека феноменологического учения о рациональной интуиции // Слинин Я. А. Аристотель и онтологические основания логики. СПб., 2013. С. 136–150.
- Tarski 1936 — *Tarski A.* O pojeciu wynikania logicznego // Przegląd filozoficzny. Warszawa, 1936. R. xxxix, z. 1. S. 58–68 (*Тарский А.* О понятии логического следования / пер. Б. Т. Домбровского. — URL: http://philosophy.ru/library/tarski/sledov.html#_ftnref1).
- Tarski, Corcoran 1986 — *Tarski A., Corcoran J.* What are logical notions? // History and Philosophy of Logic. 1986. Vol. 7 (2). P. 143–154.
- Hanson 2003 — *Hanson W. H.* Logic, the A Priori, and the Empirical // Theoria. 2003. Vol. 18, № 2. P. 171–177.